

Мария Сухова

**ВОЛНЫ СУДЬБЫ
И
МАГИЧЕСКАЯ
АКАДЕМИЯ**

Волны судьбы

Мария Сухова

**Волны судьбы и
магическая академия**

«Автор»

2026

Сухова М.

Волны судьбы и магическая академия / М. Сухова — «Автор»,
2026 — (Волны судьбы)

Невероятные приключения сестер - близняшек Ани и Ксюши. Таинственная академия, в которую они случайно поступили оказалась магической. А они сами теперь не просто студентки, а начинающие волшебницы. Девушкам предстоит принять себя, свои необычные способности и сильнее увязнуть в тайнах и загадках.

Содержание

Воскресное утро	5
Охлаждение Макса	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Мария Сухова

Волны судьбы и магическая академия

Воскресное утро

Анна тихо встала с кровати, стараясь не разбудить сестру. Аккуратно взяла продукты и направилась в кухню общежития. В её движениях была лёгкость и нежность — словно она боялась потревожить даже воздух вокруг. Печь пирожки — маленькие солнышки — казалось, лучший способ прогнать остатки болезни и наполнить теплом воскресное утро.

Вдруг дверь кухни с грохотом распахнулась, и влетела взволнованная Ксюша:

— Ань, ну ты даёшь! Дождь мне за шиворот! Просыпаюсь — тебя нет! Я аж перепугалась!

Анна улыбнулась и спокойно ответила:

— Вот, пирожки пеку.

Ксюша ещё сильнее возмутилась:

— Ну ничего себе! Ты как вообще себя чувствуешь?

— Отлично! Такая лёгкость сегодня необыкновенная! — Анна положила очередной пирожок на тарелку.

— Вчера чуть не померла, а сегодня скачешь, как ни в чём не бывало!

Анна удивлённо подняла брови:

— Что? Померла? Я ничего не помню. Только пятницу, и то смутно.

Она покраснела, вспоминая, как Макс бережно помогал ей лечь в кровать.

Ксюша начала бегать по кухне, размахивая руками:

— Тут вчера такое было! Ты нас всех до чёртиков напугала! А Макс-то как переживал за тебя! Я думала, он просто болтун, а он вон какой заботливый оказался!

Анна отвернулась, чтобы скрыть от сестры свои зарумянившиеся щёки.

— Походу, он в тебя влюбился, — не унималась Ксюша.

Анна вдруг задела горячую сковородку и громко айкнула:

— Не говори ерунду! Мы просто друзья. Что вчера-то было?

— Да ты вчера чуть не превратилась в льдинку!

— Как это? — удивилась Анна и повернулась к сестре.

— Тебя морозило, трясло, побелела вся, как первый снег. Макс сразу твердил: «Надо Александра Александровича вызвать!» А классная наша говорила, что он в отъезде, его нельзя беспокоить. А Макс всё равно позвонил.

Ксюша на секунду замерла, будто заново проживая ту ночь, а потом выдохнула и заговорила тише, но быстрее, словно боялась, что если остановится — снова почувствует тот липкий холод страха:

— И вдруг почти сразу появился профессор — будто из воздуха соткался. Высокий, прямой, спокойный, будто вся эта паника его вообще не касалась. Он вошёл, и даже шум как будто притих.

Он всех выгнал из комнаты. Даже Макса, который упирался до последнего: «Я не уйду, пока не увижу, что с ней всё хорошо!» Профессор только посмотрел на него этими своими серыми глазами — добрыми, но такими твёрдыми, что спорить расхотелось. И дверь за собой закрыл.

Я пока ждала, чуть с ума не сошла: металась по коридору, сжимала и разжимала кулаки, прислушивалась к каждому шороху за дверью. Мне казалось, что тишина внутри комнаты страшнее любого крика. В голову лезли страшные мысли: «Если ты замолчишь навсегда, я это почувствую... или не почувствую? А вдруг эта связь оборвётся так тихо, что я даже не замечу?»

— эти мысли сверлили голову, не давая дышать. Я готова была выбить эту дверь, закричать, сделать хоть что-то, лишь бы эта тишина перестала давить.

И вот наконец профессор вышел. Лицо у него было спокойным, но в этих серых глазах всё равно пряталась какая-то тихая грусть, будто он каждый раз, спасая кого-то, терял частичку надежды. Он посмотрел прямо на меня — так, будто видел не только моё лицо, а всю эту дрожь внутри, всю панику, которая никак не хотела униматься. И сказал ровно, без лишних слов:

— Спит. И пусть никто её не трогает до утра. Всё будет хорошо.

Потом протянул мне визитку:

— Если возникнут какие-то проблемы — сразу звоните.

Ксюша замолчала, сжала кулаки, а потом вдруг резко выдохнула, будто сбрасывая с плеч ту самую тяжесть прошлой ночи.

— Я так и уснула с этой визиткой, — тихо призналась она, доставая карточку из кармана и на секунду показывая её сестре, а потом снова пряча. — Держу её и думаю: если вдруг опять станет страшно, то у нас есть тот, кто знает, что делать.

Анна подошла к сестре и крепко её обняла.

— Прости, что заставила тебя так волноваться, — прошептала она.

Ксюша уткнулась ей в плечо и тихо, но твёрдо сказала:

— Главное, что ты здесь. И ты в порядке. А остальное мы как-нибудь переживём. Вместе.

В этот момент дверь кухни приоткрылась, и в проём просунулась голова Сани.

— Как наша Снегурочка поживает? — его голос звучал как всегда спокойно и ровно.

— Да нормально, — фыркнула Ксюша. — Вон, скачет тут, пирожки лепит.

Саня улыбнулся, но его взгляд оставался серьёзным.

— А то Макс там переживает, места себе не находит...

Ксюша насмешливо хмыкнула:

— А что это он сам не пришёл? Боится, что корона упадёт?

Аня, покраснев, отложила лопатку для пирожков:

— Давай зови Макса, вместе чаю попьём.

— Нет, не могу, — покачал головой Саня. — Макс сейчас из комнаты нельзя выходить.

Он перегрелся.

— Как перегрелся? — в один голос воскликнули сёстры.

— Ну такое бывает у огненных магов, — терпеливо объяснил Саня. — Вчера он так переживал за тебя, Ань, когда ты болела. Пытался согреть своей энергией, чтобы ты не замёрзла. Отдал слишком много сил, вот источник и перегрелся. Ты бы сходила к нему, а? Ему нужно убедиться своими глазами, что с тобой всё в порядке.

Аня почувствовала, как сердце забилося чаще.

— Я... я схожу к нему, — тихо сказала она. — Только пирожки допеку. Вот, последняя порция осталась.

— Ксю, может, сходим ненадолго к озеру погуляем? — предложил Саня, поворачиваясь ко второй сестре.

Ксюша нахмурилась:

— А вдруг сестре опять станет плохо?

— Да не станет, — уверенно ответила Аня. — Я себя прекрасно чувствую.

— Ну смотри, — не унималась Ксюша. — Если что — сразу звони! Я тогда сча переоденусь. Не в халате же пойду!

Ксюша убежала в комнату. Саня проводил её взглядом, затем снова посмотрел на Анну. Она стояла у плиты, сосредоточенно переворачивая пирожок, но кончики её пальцев заметно подрагивали.

— Угошайся, — мягко сказала Аня, подвигая ему тарелку с самой румяной выпечкой.

— Бери, пока горячие.

Саня благодарно кивнул:

— Спасибо.

Он взял пирожок и задумчиво принялся жевать, глядя куда-то сквозь стену. Аня украдкой наблюдала за ним, чувствуя неловкость от повисшей тишины. Было слышно только тихое шкворчание масла на сковороде.

Наконец Саня проглотил последний кусочек, вытер пальцы о салфетку и внезапно выпалил, словно эта мысль только что окончательно оформилась у него в голове:

— Одна замерзает изнутри до состояния вечной мерзлоты, другой перегревается до солнечного удара. Вам определённо нужно жить вместе. Идеальный температурный баланс получится.

Аня от неожиданности вздрогнула и чуть не выронила лопатку. Щёки мгновенно вспыхнули таким густым румянцем, что стало жарко даже лицу. Она открыла рот, чтобы возразить, но слов не нашлось.

Прибежала Ксюша в шортиках и весёлой футболке с котиком.

— Пошли, я готова.

Собрав угощение в корзинку, Аня аккуратно прикрыла дверь кухни, чувствуя, как колотится сердце — не от болезни, а от волнения перед встречей с Максом.

Саня и Ксюша, о чём-то переговариваясь и посмеиваясь над ошарашенным видом Анны, направились к выходу, а Аня, с корзиночкой в руках, пошла в сторону общежития старшекурсников, где располагалась комната Макса.

Охлаждение Макса

Аня робко постучалась в дверь — так тихо, будто боялась спугнуть даже тишину в комнате.

— Входите! — тихо произнёс Макс, и в его голосе слышалась не просто усталость, а какая-то затаённая надежда, словно он ждал именно этого лёгкого стука.

Девушка несмело вошла в комнату, держа в руках корзинку с пирожками. Внутри корзинки ещё хранилось тепло кухни, а лёгкий аромат ванили и черешни тянулся за Аней, как невидимый шлейф. В воздухе будто повисло что-то тёплое и хрупкое — словно одно неловкое движение могло всё спугнуть, разрушить эту едва уловимую гармонию.

— Аня? Ты? — вскрикнул он, вскочив с кровати, и тут же поморщился от резкого движения — жар всё ещё сковывал его тело, но радость оказалась сильнее. — Как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно, — улыбнулась она, и улыбка вышла не просто спокойной, а какой-то удивительно светлой, будто в ней отражалось всё облегчение, которое она наконец-то могла себе позволить. Протягивая ему корзинку, она чуть наклонила голову, пряча в этом жесте и заботу, и лёгкое смущение. — Вот, принесла тебе.

Макс посмотрел на пирожки и рассмеялся, и в этом смехе было столько облегчения, будто он наконец смог выдохнуть после долгого напряжения, когда каждая минута тянулась как час.

— Ну раз ты сегодня Красная Шапочка, тогда я буду твоей бабушкой, — пошутил он, и в этой шутке прозвучала не просто попытка разрядить обстановку, а искренняя благодарность за то, что она пришла.

Он плюхнулся обратно на кровать, стараясь выглядеть непринуждённо, хотя в глазах всё ещё пряталась тень беспокойства. С улыбкой добавил:

— Дёрни за верёвочку — дверь откроется.

Они оба рассмеялись, и в комнате воцарилась тёплая, уютная атмосфера, в которой даже тени казались мягче, а воздух — слаще, будто сама магия решила на минуту притушить огонь, чтобы дать им эту маленькую передышку.

Анна тихо села на край кровати, опустив взгляд, и пальцы её чуть дрогнули, сжимая край корзинки. Она не знала, можно ли сейчас быть слишком близкой, слишком откровенной, и потому выбрала осторожное движение — просто присесть, просто быть рядом. И прошептала, едва слышно, так, что слова будто рождались не из голоса, а из самого сердца:

— Спасибо тебе за всё...

Макс улыбнулся, глаза его были полны благодарности и усталой нежности — такой, какая появляется только после бессонных ночей, когда наконец понимаешь, что самое страшное миновало, и остаётся только тихое, почти робкое счастье.

— Теперь давай рассказывай, что у тебя. Что за перегревание? — заговорила она снова, немного помолчав, и в этой паузе уместилось столько невысказанных страхов, что хватило бы на целую ночь тревожных мыслей.

Затем робко дотронулась кончиками пальцев до его лба — и вскрикнула, сама испугавшись собственной резкости:

— Ты горячее, чем мои пирожки со сковородки! Я могу тебе чем-то помочь?

— Да, — ответил он тихо, и в голосе его не было ни приказа, ни просьбы — только доверие, такое хрупкое, что казалось, его можно уронить одним неверным словом. — Попробуй меня охладить. Ты же владеешь ледяной магией.

— Если бы я знала, как... — проворчала Анна чуть смущённо, и в этом ворчании пряталась её неловкость — будто она боялась не справиться, боялась подвести, боялась, что её магии окажется недостаточно для того, чтобы защитить того, кто ей дорог.

— Давай сюда руки, мне на лоб. И попробуй остудить, — мягко, но уверенно произнёс Макс, будто заранее знал, что у неё всё получится, даже если она сама в этом сомневалась.

Она осторожно положила ладони ему на голову, стараясь не давить, не тревожить, а просто быть проводником той самой магии, которая жила в ней, но редко решалась проявиться. Макс закрыл глаза, и в комнате повисла тишина — та особенная, когда кажется, что даже время замедляет свой бег, чтобы не спугнуть что-то важное, что вот-вот должно случиться.

Внезапно руки Анны засветились мягким голубоватым светом — словно крошечные звёзды, которые медленно плыли к нему, наполняя тело теплом и прохладой одновременно. Она чувствовала, как энергия льда струится от её пальцев, словно нежный ветер, обволакивающий и успокаивающий, будто сама магия знала, как именно нужно касаться, чтобы забрать жар, не задев при этом ни одной живой струны в его душе.

Макс глубоко вздохнул, и постепенно жар с его лба спал, уступая место прохладе, которая не обжигала, а исцеляла. Его ресницы слегка трепетали, а сердце Анны билось всё быстрее с каждой секундой — не от страха, а от того странного, волнующего чувства, когда понимаешь, что твои руки способны не только создавать холод, но и дарить тепло, если знать, как соединить эти две стихии.

Наконец Макс медленно открыл глаза — глубокие, тёплые карие, в которых играли искры огня и нежности, будто в них отражалось сразу всё: и благодарность, и лёгкая улыбка, и что-то ещё, невысказанное, но очень важное, то, что можно понять только взглядом.

Анна быстро убрала руки, но взгляд их встретился, и в комнате словно замерло время, растянувшись в одну бесконечную, звенящую секунду, в которой не было ни прошлого, ни будущего — только этот миг, только они вдвоём.

— Ну, — улыбнулся Макс, и в улыбке его мелькнуло что-то озорное, будто он вдруг снова стал тем мальчишкой, который не боялся ни огня, ни ветра. — Теперь я точно должен на тебе жениться.

Анна засмеялась, чувствуя, как внутри разгорается искра счастья — лёгкая, но такая яркая, что на мгновение ей показалось, будто весь мир стал светлее, будто даже тени отступили, чтобы дать место этому свету.

— Ну, раз шутить изволишь, значит, всё хорошо, — ответила она, и в её голосе прозвучала та самая нежность, которую не спрячешь ни за шуткой, ни за смущением.

Она снова прикоснулась кончиками пальцев к его лбу — теперь он был прохладным, и эта прохлада казалась ей самой дорогой наградой. Но в глазах Макса загорелся такой огонь, что Анна чуть не растаяла, словно снежинка под ласковым весенним солнцем. Ей вдруг стало одновременно и спокойно, и тревожно — от того, как близко они сейчас оказались, от того, как много несказанных слов висело в воздухе между ними, сплетаясь в невидимую нить, которую ни один ветер не мог разорвать.

Вдруг дверь резко открылась, и в комнату вбежал Виктор Сергеевич — отец Макса.

— Макс, ты нашёл время перегреваться! — строго, но с заботой произнёс он. — К экзаменам нужно готовиться, а ты...

Увидев Анну, он застыл посреди комнаты, глаза его расширились, и в комнате повисла напряжённая тишина — тяжёлая, колючая, совсем не похожая на ту уютную, что была минуту назад.

— Здрасьте! — тихо произнесла Аннушка, быстро вскакивая с кровати.

Её пальцы невольно вцепились в край корзинки, будто она надеялась, что эта простая вещь удержит её от того, чтобы просто исчезнуть, раствориться в воздухе. Края плетёных прутьев впивались в кожу, но эта лёгкая боль почему-то помогала держаться, не рассыпаться на сотни испуганных частиц.

— О, отец. Познакомься, это Аня. Она меня навещать пришла, пирожков принесла, — с лёгкой улыбкой произнёс Макс, но его голос звучал немного нервно, и в этой дрожи интонации Анне почудилось что-то очень родное — будто он тоже чувствовал себя не в своей тарелке и пытался её прикрыть, как щитом, своей попыткой всё сгладить.

— Угощайтесь, — тихо произнесла Анна, прикусив губу, стараясь скрыть смущение.

Внутри у неё всё дрожало, как натянутая струна, готовая вот-вот лопнуть. Ей хотелось одновременно и провалиться сквозь землю, и закричать:

«Я ничего плохого не сделала!»

Дрожащими руками она переложила пирожки из корзинки в миску с нарисованным кораблём, который ей сейчас показался крошечным островком спокойствия посреди бушующего моря тревоги.

Взгляд Виктора Сергеевича скользнул по Аннушке, полный такого холодного отчуждения, что ей показалось, будто по комнате пробежал ледяной сквозняк, пробираясь под тонкую ткань платья, сковывая движения. Он смотрел так, словно она была не девушкой, которая только что помогла его сыну, а чем-то незначительным, едва достойным его внимания. Его карие глаза сверкали, как полированный обсидиан — твёрдые, непроницаемые, и Анна почувствовала, как её сердце замирает, а потом начинает биться где-то у самого горла, мешая дышать, толкаясь в висках, в кончиках пальцев, во всём теле, которое вдруг стало слишком большим и неуклюжим в этой чужой, напряжённой комнате.

Мужчина посмотрел на своего сына и удивлённо произнёс:

— Что-то я не вижу в тебе признаков перегрева.

Анна, чувствуя, как дрожь охватывает её колени, тихонько начала пробираться к выходу, пока огненный маг занимался своим сыном. Каждый шаг давался с трудом, будто пол под ногами стал зыбким, как тонкий лёд, который вот-вот треснет под её весом. Ей казалось, что стоит только поднять глаза — и этот тяжёлый взгляд снова пронзит её насквозь, оставит в груди холодную отметину, которую не согреть никаким чаем и никакими пирожками. Она старалась ступать бесшумно, почти не дышать, будто если стать совсем незаметной, то её и не заметят вовсе, оставят в покое.

— Это Аня меня охладила. Представляешь? Она настоящий охладитель! — с гордостью произнёс Макс, и в его голосе прозвучало столько тепла и защиты, что на долю секунды Анна почувствовала, будто кто-то набросил ей на плечи тёплый плед — лёгкий, но такой нужный.

Но тут же это чувство схлынуло, потому что она снова ощутила на себе взгляд Виктора Сергеевича, тяжёлый и оценивающий.

Анна уже добралась до двери и дотронулась до ручки — пальцы её были ледяными, хотя в комнате было тепло, и холод этот шёл не из воздуха, а изнутри, из самой середины груди, где страх сплетался с обидой и непониманием: за что на неё смотрят так, будто она сделала что-то дурное? Она почти ощущала, как за спиной сгущается напряжение, как воздух становится густым и тяжёлым, словно перед грозой, когда каждая секунда тянется бесконечно. Ей оставалось только повернуть ручку, выскользнуть за дверь и спрятаться где-нибудь в тихом уголке,

где никто не будет смотреть на неё с таким холодным недоверием, где можно будет наконец выдохнуть и дать волю слезам, если они всё-таки прорвутся.

Но тут разда

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.